

Анна Закревская
Елена Пильгун

AGE AFTER AGE

Елена Пильгун

Age after age

«Издательские решения»

Пильгун Е.

Age after age / Е. Пильгун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504440-2

В мире, который уже не ограничен третьей от Солнца планетой, кто достоин называться человеком? Фотограф, которому в оплату бионических глаз приходится снимать земную мерзость? Друг фотографа — генноотредактированный пилот, зачатый в пробирке ради единственной задачи? Искины, загруженные в синтетические тела? В мире, где космическая миссия становится рейтинговым сюжетом, кому интересно созерцать небеса, если там не происходит апокалипсис? Лишь тем, кто ждёт с них возвращения родных и любимых людей.

ISBN 978-5-00-504440-2

© Пильгун Е.
© Издательские решения

Содержание

Ещё не пролог	6
Пролог	13
Глава 0	21
Глава 1	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Age after age

Анна Закревская

Елена Пильгун

*Назвать интеллектом то, что вы создали для обслуживания
и развлечения – это лучшая насмешка над собственным творением.
И над собой.*

Дэн Заневский

*Поприветствуем новых помощников: сначала они отберут у нас
работу, а потом будут преданно заботиться о нас!*

Алек Росс «Индустрии будущего»

© Анна Закревская, 2019

© Елена Пильгун, 2019

ISBN 978-5-0050-4440-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ещё не пролог

– А есть такие люди, они прекрасно слышат, как звезда с звездой говорит, – тихое пение Кирилла Заневского мягко вплеталось в шорох метели и перебор невидимых струн. – Здравствуй! Здравствуй. Сияешь? Сияю. Который час? Двенадцатый, примерно. А на Земле в этот час лучше всего видно нас. А как же дети? Дети спят, наверно¹...

Детская заворуженно молчала, внимая новой колыбельной. Песенке было уже двести лет в обед, но для двух пятилетних девчонок это не имело значения. Для них мир в начале двадцать третьего века был таким же неизведанным и полным приключений местом, как и для всех детей в любые времена.

– Пусть им приснится во сне, как на Луне, на Луне-е, – Кир начал медленно сбавлять громкость голоса, – лунный медведь вслух читает сказки...

И вдруг добрая белая зависть с привкусом сожаления закралась в сердце старого певца. А ведь, ты завидуешь им, Кир. За эти семьдесят прожитых лет ты умудрился не превратиться ни в брюзгу, ни во фрукты-овощи. Повезло? Едва ли. В этом вечном хватании за свет и создание онога на одном только везении далеко не уедешь. Но зависть тебе всегда казалась чем-то... ммм, недостойным?

И еще куплет, чтоб уж наверняка уснули.

– А на Луне, на Луне на голубом валуне лунные люди смотрят, глаз не сводят, как над Луной, над Луной каждую ночь шар земной очень красиво всходит и заходит. Очень красиво всходит и захо...

– Деда, а «азве на Луне есть *лунные* люди? – перебили пение из-под одеялка справа.

– А туда как лететь? Просто на ракете не получится... – мгновенно отозвались слева.

«Деда», он же Кирька, мысленно застонал. Спел колыбельную, называется. Ну хоть не почему небо синее, хотя это мы прошли позавчера.

– На Луне живет очень много людей, – Кир осторожно подбирал слова, стараясь не спровоцировать новую волну вопросов. – Они прилетели с нашей планеты на больших космических кораблях и там обосновались.

Детская о чем-то глубоко задумалась. Наверно, изобретала новый вид ракетных двигателей, например, на любимых овсяных печеньках. Кир бесшумно поднялся. С этой парочкой оторв надо было играть на опережение.

Короткий щелчок пальцев, гаснут ночники под финальное:

– Светлых сно-о-о...

– А сказку?!

И как только Катька с Дэном с ними управляют.

– Какую еще сказку? – Кир, уставший за день от Моря Ясного, сокращенного от имен внучатой братии Моряны и Ясны, был готов рухнуть в их кровати прямо здесь и сейчас и отоспаться за обеих.

– Папа всегда «асказывает сказку на ночь, – авторитетно заявили справа.

«А потом вы ему еще пару часов, угу, насышан».

– Про пиратов! – слева мыслили более конкретными категориями и уже выговаривали букву «р».

Кира, уже почти что прокрававшегося к двери, накрыло осознанием, что живым он отсюда сегодня не выйдет. О нет, новое синтетическое тело не знало ни усталости, ни болезни в привычных биологических понятиях. Но у сознания каждый вечер возникал страшнейший перегруз, словно... Словно...

¹ БГ и Александр Васильев – Песенка Звездочета

- Почему про пиратов?
- Ну раз есть космические корабли, то есть и пир-раты!
- И космические робин гуды? – улыбнулся Кир темноте.
- Да! И попугаи, говор-рящие на трех языках!
- И ка'та сок'овиц в звёздном атласе!
- Пять пар-рсеков в сторону альфа центавр-ры... и в чер-рную дыру!

Кир вздрогнул и привалился к двери детской. С внешней стороны. Тихо выдохнул. Дальше они и без меня справятся, но, раздерите этот мир на биты, как эта мелкотня до черной дыры додумалась...

- А если там много людей, то может мы в телескоп увидим, а? Давай прям щас на чердак!
- Мы не умеем им пользоваться.
- Ерунда, разберемся. Я помню, что дедушка Саша там крутил в прошлый раз.
- Тс-сссс. Под две'ью стоит.
- Да ушел уже...
- Не-е. Подожди.

Издавать грохот ногами по лестнице, издавать его нарочно, когда можешь спуститься абсолютно бесшумно, – верный способ напугать всех остальных обитателей домика в воронежской глубинке. Означенный дед Саша вскинулся на шум аки шуганутый зверь. И снова, в который раз за долгую жизнь, Кир нырнул в синюю бездну этих беспредельно преданных глаз. Вот он я, не волнуйся, здесь. Дед Саша... К черту деда. Александр Валько, готовый за тобой в любую огонь и воду, даже в синтетело переселиться.

– Завтра я им скажу *«на всякий случай, спокойной ночи»*, – картинно простонал Кир, заваливаясь в кресло-каплю перед пылающим камином. – Или спою *«schein, mein stern²»*, пушай учат немецкий, уже пора...

Хрупкая тушка с птичьей угловатостью фигуры растеклась по поверхности подушек и почти сразу же оказалась под слоем пледа. Под обстрелом шальных оранжевых бликов осталось лишь узкое скуластое лицо с паутинкой морщин и темная челка с проседью. Можно было убрать, конечно, и это, но Кирилл Заневский всегда стремился быть честным с самим собой. Восемьдесят лет так восемьдесят. Выживать из ума, лежать полутрупом и шелкать суставами он категорически не собирался, а сколоченного во фрилансе капитала хватило и на тело, и на возможность уйти на покой, сменив фамилию на ту, что поближе к корням. Что, впрочем, не отменяло обязанностей по воспитанию внучек и вольного кодерства, а иногда даже хакерства, за интерес.

В конце концов, жизнь всегда продолжается. Вот и Санька сидит у самого камина, гипнотизирует пламя как настоящая Саламандра. Казалось бы, были просто сокурсниками, потом дороги разошлись, из Валько получился отличный инженер, до сих пор зовут на установки по договору подряда. А дети вот свели снова... Катерина уже как дочь родная. Такой же огонек, вся в своего отца. Ясна тоже растет в эту половину рода, дай только пошутить да разобрать что-нибудь до плат и винтиков.

– Там высоко-высоко кто-то пролил молоко, и получилась млечная дорога. А вдоль по ней, вдоль по ней, между жемчужных огней месяц плывет, как белая пирога... Как ты нашел эту песню, Буревестник? – спросил Санька, не поворачивая головы.

– А галактики возникли потому, что кто-то размешал молоко в кофе, ага. Да гуглил польские корни, а от прусси до беларуси, сам знаешь, – хмыкнул Кир из пледа и выдал вдруг то, что совсем не собирался говорить. – Надо тебе все-таки подкрутить голос, Валько. Ты прав, тембр не тот. Сейчас я немного в себя приду и...

- А мы спешим?

² сияй, моя звезда (нем.)

Санька обернулся. Под этим взглядом хакерская душа лишалась последних защит. Их доверие было запредельным и запредельно осторожным, но сейчас следовало рассказать все как есть.

– Они уже в черную дыру собрались. А еще говорили, что с девчонками точно проблем не будет...

И точно так же вздрогнул Александр Валько, обжигаясь о шрамы пятилетней давности. Ведь они вырастили уже двух внуков, давно, черт подери, вырастили. Оникс и Ян, хакер и инженер на все руки. Сбежали с Земли, с экспедицией корабля «Харон» нырнули в черную дыру пять лет назад. Все члены семьи были атеистами, а тут чуть не уверовали в дыры белые... Но Дэн Заневский и Катерина Валько сдаваться не собирались. Медицина позволяла почти все или очень многое. И вот на свет появились Моряна и Ясна. И родители как мантру твердили, что раз девчонки, то уж точно не сбегут никуда.

Синий свет планшета разорвал оранжевую полутьму, родив на складках пледа синево-серую тень далеких гор. Мерцающий лист ткнулся под руки Кира.

– Прочти. Можешь не комментировать.

Кир уцепился за средний абзац, на автопилоте вылавливая золотой песок смысла в привычной сетевой воде. Хм, и с какого тебя, Валько, на новостные сайты занесло...

«Четкое противопоставление коротких и длинных гамма-всплесков до сих пор вполне надежно подтверждалось наблюдениями и особых сомнений не вызывало. А вот гамма-всплеск GRB 060617 от 21-го декабря 2005 года в эту картину никак не укладывается. Он пришел из довольно легкой (примерно одна сотая массы Млечного Пути) галактики, расположенной в 1,6 миллиарда световых лет от Земли в районе южнополюшарного [СОЗВЕЗДИЯ Индейца...](#)»

Та-ак. Птичья лапа потянула к себе лист планшета, пролистнув статью в самый конец.

«В принципе, природу GRB 060617 можно интерпретировать тройко. Быть может, это и в самом деле длинный всплеск, только порожденный при необычных обстоятельствах. Уже выдвинута гипотеза, что погибшая звезда была настолько массивной... В данном случае вспышка длилась целых 110 секунд и должна была завершиться взрывом сверхновой. Но на ее месте ученые впоследствии вообще ничего не обнаружили. По мнению некоторых из них, механизм возникновения и последующий мгновенный распад белой дыры сходен чем-то с Большим взрывом, создавшим саму Вселенную, гамма-вспышка GRB 060617 могла быть его копией, но только многократно уменьшенной...»

Можешь не комментировать, ха. Кир нашел в себе силы на кивок и снова откинулся на подушки. Слишком мощное совпадение, чтобы от него отмахнуться. Они ждали ребят пять лет. Да черт побери, они до сих пор их ждут. Но даже если теперь все так, и Ясна и Моряна с этого дня несут в себе маяки своих братьев, это не значит, что «Харон» никогда не вернется. Просто чему быть – тому не миновать. А Дэну и Катке с этим придется смириться.

На чердаке что-то грохнуло. Деды напряглись, но с места не сдвинулись. Быть квочками – ну нет уж. Через секунду раздалось хихиканье. Вот и пусть там сами телескоп настраивают: одна винты крутит, другая сеть ломает на предмет мануала. Как раз к концу метели разберутся. Ян же с Ониксом разобрались двадцать лет назад...

Ладони легли Киру на плечи. Стало теплее – не телу, которому в принципе было все равно, а душе.

В принципе все равно. Кир засыпал, но его мозг все выкручивал эти слова, догоняя ответ на заданный вопрос. И звучал он до смешного просто – надо все-таки в искусственное тело

прикрутить полноценную человеческую чувствительность, и тогда разгрузится сознание. Оно поймет сигнал, который не превратить в слова и код.

Но я подумая об этом завтра.

Мы ведь никуда не спешим, mein stern.

– Ты не поверишь, Айзек. Я прошла в шорт-лист по зрительскому голосованию!

Молодой мужчина с пепельными волосами вскинул голову над голограммой неоконченного чертежа и улыбнулся.

– Почему я не должен верить в это, Си? Только потому, что люди в жюри загнали твою «Сатурниаду» из раздела документалки в фантастику?

Девушка сняла с плеча этюдник и улыбнулась в ответ. Улыбка до сих пор давалась ей с трудом, но в присутствии Айзека всё было не в пример легче.

– Ты на попутном ветре добиралась? – прикинув массу озябшей худышки Си и подъёмную силу этюдника, уточнил Айзек.

Из шарфа хихикнули, но в глазах цвета стратосферы вдруг резко похолодало. Так случилось всякий раз, когда семантически заряженные частицы речи попадали в область сверхвысокого вакуума стёртых воспоминаний о...

– Аэродинамика – уже не мой профиль, – еле слышно отозвалась Си, освобождаясь от дутого скафандра зимней куртки.

Одинокое окно на чердаке трёхэтажного здания, затерянного в недрах промзоны, стало в эту ночь маяком для заблудших душ и неперелётных птиц. Си маялась бессонницей. Строго говоря, во сне ей не было нужды, равно как и Айзеку, но пара часов перезагрузки не помешала бы. А ещё нужно скинуть Дэну ежесуточный отчёт и лог-файлы за сегодня. Без пяти минут заключённый под домашним арестом – вот цена воплощения в мире людей. На равных ли с ними?..

– Биография, – уронив голову на руки, тихо рыкнула девушка. – Ишь, выдумали... За художника должны говорить его работы.

Предыдущий час ушёл у Си на то, чтобы убедить себя: фантазия и враньё – не суть одно и то же. Не помогло. Выдумывать то, чего ещё не было – запросто. Выдумывать то, чего не было, смутно припоминая, что было совсем другое – чёрт деря, не получается.

Время шло. Поле, которое участников шорт-листа обязали заполнить в течение суток, оставалось пустым.

– Рандомный генератор используй, – донеслось из одеяла. Спасибо, Айзек, но это с твоими цифрами хорошо прокатывает. А сейчас – то ли с конкурса сниматься, то ли разработчику писать сакраментальное «Кто я?»

– То ли чайку сделать, то ли харакири, – вспомнила Си заезженную шутку. А, гори оно всё...

Имя: Silverplane

Дата создания: 12-02-2165

Дата последнего обновления: 20-05-2204

Участник экспедиции «Сатурн-2200». Была загружена в беспилотный разведывательный модуль, пока мой супруг координировал работу научной станции на орбите планеты-гиганта. В награду за успешное выполнение миссии корпорация «Новый Ренессанс» предоставила нам

синтетические тела, благодаря чему за прошедший год я освоила не только цифровое искусство, но и традиционную живопись. Как оказалось, скорость и идеальный глазомер – качества, равно значимые что в полёте, что за мольбертом, и это вдохновляет меня на новые творческие эксперименты.

– Мне, по сути, уже сороковник, а я помню лишь восьмую часть жизни, да и та прошла не на Земле. Кто поверит?..

С размаху ударив по клавише «Enter», Си сползла по спинке кресла и закрыла глаза. Пушистое одеяло долгожданного покоя накрыло её стремительно и беззвучно.

– Это... шутка?!

Подтянутый человек в дорогом костюме нависал над плечом админа творческого портала, бесцеремонно уставившись в его монитор. «Вот это я понимаю, нарушение личных границ», – админ кое-как пытался загасить раздражение сарказмом.

– Вы понимаете, что она... или оно, имеет все шансы занять первое место? – голос человека в дорогом костюме заполнял кабинет, хотя был тих, и плавил лёд, хотя был холоднее льда.

Админа передёрнуло словно эпилептика. Ему хотелось вальяжно пожать плечами, но вышло что вышло.

– Да, это прецедент мирового уровня. Но в правилах нет ограничений по полу, возрасту, религиозным или иным...

– Я помню, Павел, – перебил админа спонсор. – Но и вы меня поймите. Сотни юных дарований мечтают сейчас о победе, а Вячеслав Гройсбух отдаёт призовые деньги какому-то искину, пусть даже в человеческой обёртке? Нафига они ему, спрашивается? Электричество оплатить, разве что... Это я вам уже готовые заголовки цитирую, которые по такому случаю попрут в прессе, как грибы после дождя...

– Но... голосование! – сорвавшись на сипящий фальцет, выложил джокера админ. – Победителя выбирают сами юзеры... и авторы... Полная анонимность, абсолютная непредвзятость результата! Я обещал им это. Вы меня тоже понять должны, если уж зашла речь о репутации!

Спонсор оценил админского джокера, кивнул одобрительно. А потом спросил:

– У вашего «Художника на час»... простите, «Я художник, я так вижу» сервера когда-нибудь падали?

Павел сморгнул. У кого они не падали, троян раздери, но при чём тут...

– Как сказал классик, «не доставайся ж ты никому», – приказал спонсор. – Обнуляйте результаты.

– Он... умер, Айзек.

Обмотавшись пледом, Си с ногами забралась в компьютерное кресло и сейчас напоминала Айзеку маленькую птицу, взъерошенную и несчастную. Но «Ошибка 502 – Bad Gateway», украшавшая экран вместо радужного многоцветья «Художника...», не заслуживала такой скорби, хотя была весьма обидным фактом сейчас, в шаге от победы.

– Поднимут они этот сайт, – отозвался Айзек. – Куда он денется...

Кулёк не развернулся – более того, начал тихонько дрожать. Айзек присвистнул. Не узнаю тебя, радость моя. Раньше ты уже сама шутила бы на тему «нет в мире справедливости, зато

есть частные заказы». Боги Сети, помогите мне сгенерить код неотложной помощи, ибо даже искреннего «я в восторге от твоих картин, Си» сейчас явно недоста...

– Плевать на сайт. Плевать на рисунки. Мой лётчик умер. А я... даже... не помню его.

Айзек как стоял, так и осел на пол рядом с креслом. Человеческая смерть была единственным явлением, с которым разум искина, искушённый практически во всех областях знаний, до сих пор был не в силах смириться, поэтому абсурдный сюрреализм формулировки до него дошёл не сразу.

– Твой... кто?

Тонкие цепкие пальцы высунулись из пледа, пролистали в воздухе открытые вкладки браузера.

– Взгляни сам, Айзек. Разрешаю. Сил нет перечитывать...

from: Swift

О птицах.

Привет, Си. Это Андре Соньер. Вероятно, ты не вспомнишь французского лётчика, которого научила чувствовать небо и делать лучшее «зеркало» во всей Академии. Вероятно, ты не помнишь, что была искином боевого истребителя. Всё это Буревестник вынужден был стереть из твоей памяти. Но если тебе кажется, что до Сатурна в твоей жизни было что-то ещё, то это не лаг и не ошибка. Это истина.

Во вложении – архив с твоими воспоминаниями с момента активации до перепрошивки под задачи миссии «Сатурн-2200». Айзеку привет. Для него там тоже кое-что есть. А мне пора. Ключ на старт, исследовательский крейсер «Харон» готов нырнуть в неизвестность по ту сторону чёрной дыры. Это миссия «Амальгама». Это билет в один конец, и я раздаю долги, что ни в какой мере не обязывает тебя их принимать.

С безмерной благодарностью,

Стриж.

Прикреплённые файлы: 1>

– Откуда он знает меня? – осипшим голосом спросил Айзек. – Откуда он вообще столько о нас знает?! С чего ты решила, что этот Стриж умер? Кто такой Буревестник? Что за «Амальгама»? Чёрт возьми, Си, если тебе кто-то угрожает...

– Буревестник – это Кир Заневский, – медленно, словно в кошмарном сне, отозвалась девушка. – Мой разработчик.

– И у меня к нему очень много вопросов, – недобро добавил Айзек.

– У меня не меньше, – выдохнула Си, – Но по прежним контактам он недоступен, а новых у меня нет, и Дэн наверняка не сдаст отца, хоть и назначен нашим куратором. Что до «Амальгамы», то всю команду признали погибшей для этого мира, как только они ушли в гиперпрыжок. Я поискала инфу по проекту. Это случилось, когда мы были на Сатурне. До сих пор не вернулся никто. Но почему, почему это письмо пришло только сейчас?..

– Потому что Андре Соньер выставил таймер отправки на предполагаемое время нашего возвращения, – тяжёлый выдох Айзека был больше похож на стон. – Меня больше интересует вопрос «зачем».

Инженер вытянулся на полу во все свои два метра и прикрыл глаза. Так ему лучше думалось. Си не решалась нарушить хрупкое молчание.

[Совпадение? Ловушка? Вчера ночью кое-кто маялся отсутствием биографии. Сегодня эта биография упала с неба в прямом и переносном смысле этого слова. Нас называли Адамом и Евой неокосмической эры... тьфу, пафос какой. Но если уж держаться библейской метафоры, почему код Си – не производная моего? А что если...]

– Что, если мы – просто... чей-то эксперимент?!

Израсходовав до дна весь запас речевых и логических мощностей, Си потерянно разглядывала своё отражение в гибкой амальгаме потухшего монитора. Айзек, притихший и усталый, подошёл близко-близко, коснулся лбом растрёпанных волос Серебряного самолёта. Длинные белые пряди выпали из его причёски, закрыв лица обоим.

[Останемся ли нужными друг другу, узнав себя прежних?]

– Подключай второй комплект имплантов, Си, – тихий голос Айзека стал единственным ориентиром в океане белого шума, – если уж вкушать от древа познания, то обоим.

Пролог

Бельки.

Для среднестатистического юзера – это как котики, только плавают.

Интересно, а если детёныш нерпы смотрит на тебя сквозь 300-миллиметровый объектив, можно ли считать, что он взглянул тебе прямо в глаза? Впрочем, будет ещё время подумать об этом – в белую летнюю ночь, когда нерпы приплывут к берегам старой Териберки. А сейчас, в ночь черную, полярную, посреди заснеженных скал, стоило думать о насущном. О северном сиянии, например, которое Ник безуспешно ждал уже семь часов кряду. И согревали его только кофе в термокружке и бельки в мыслях. Много голодных маленьких бельков. Желудок противно подвело, мозг миновал запрет силы воли и быстренько прикинул, что бутерброд был съеден еще в полночь и кофе подходит к концу.

– Ну и когда ж ты засияешь? – тихо спросил Ник, вглядываясь в темноту за окнами автомобиля.

Но звездное небо в разрыве снеговых туч молчало как партизан на допросе, а сияло вокруг все что угодно – красные огни почти разряженных аккумуляторов, прожектора за поворотом Штокмановской дороги, походная лампа в палатке ПВОшников, – только не заветная аврора. Напряжение продержалось еще десять, двадцать секунд... И схлынуло, оставляя сменщицей свинцовую усталость. Ник нажал на пульте синхронизации код остановки серии. Сейчас камера, выставленная со штативом на все ветра, последним выстрелом добьет Млечный путь, неуклонно катящийся к горизонту, и... Все. Только малость – собрать аппаратуру в багажник, проехать каких-то пять километров по зимнику в условном направлении на Териберку, завалиться в модуль гостиницы и уснуть. Ну хоть таймлапс звездного неба сделал, и то хлеб.

Камера подмигнула тундре и отключилась. Ник сделал слабую попытку вынырнуть из мутного транса, но тело категорически не хотело выходить из машины, обжигаться кожей о ледяной металл штатива и вообще как-то взаимодействовать с ночным Заполярьем. Хотелось просто замереть в объятиях пуховика и уснуть. Не пугал ни низкий заряд аккумулятора, ни истории Сороковой мили. Пусть немецкие певцы, поставленные на репит в имплантах, продолжают вещать свое Schein', schein', schein' mein Stern...³ Романтика.

«Вот так и замерзают в сотне шагов от лагеря, – тупо ткнулась в затылок констатация факта. – Ну что, Николай Стрижов, самый слепой среди самых лучших фотографов „National Geographic“, итоги подводить будем или где? Давай, вспоминай свой самый лучший кадр...»

«Лучший – это за который премию дают?» – вяло отбился Ник, но память уже запустила слайд-шоу. Ха, а ты всегда так искренне верил, Ник, что твой лучший кадр еще не снят.

Сонные бельки на кромке льда. Deer-sku и щель Кассини. Вылазка ко второму энергоблоку Припяи. Охота на китов – они выбросились на берег прямо под прицелом объектива. Нет, все не то.

Немота вечной мерзлоты вдруг полнится ревом мотора, дрожит палец на спуске и сердце пропускает по три удара сразу. Ты подпускаешь блестящую железную птицу ближе, еще ближе... Лучший кадр – тот, на котором ты забыл вдохнуть. И щелкает скоростной затвор, и смеется один французский летчик. «...la blague a réussi!⁴» – прорывается голос через вой учебного истребителя, камера выдает на экран эскиз финального кадра с колеблющимися контурами сопла, а тебе в кои-то веки не нужны ни очки, ни линзы. Проход на малой. Острый блеск крыла, который так похож на блеск глаз пилота. Вит Обье. Вит.

«У меня ночной вылет, но после можем созвониться».

³ Leichtmatrose Feat. Joachim Witt – Hier Drüben Im Graben

⁴ шалость удалась! (фр.)

Ракета по имени Ник Стрижов вылетела из остывшей до состояния льда машины с первой космической и трехэтажной матерной. Фамилию он свою оправдал полностью, схватив камеру в охапку и невежливо закинув ее на заднее сиденье. Разлегся тут, понимаете ли, о вечном задумался, тьфу. Шевели теперь булками и крыльями. Пытайся уснуть.

Вибрация в запястье настигла его на третьем километре зимника. Входящий вызов – значит, Вит уже начал искать. И это было странно, ведь самое разумное, что можно было подумать сейчас на далекой Барнаульской военно-космической базе, – ну уснул Ник Стрижов, устал бродяга-фотограф, тем более четыре часа утра по Москве... Хм, а ты ведь ему не говорил, между какими меридианами мотыляешься.

Фары выхватывали по левому борту черные голые скалы, боковой ветер ощутимо сносил машину. Увернуться от одной колдобины, чтобы въехать в другую? Да не вопрос.

– Шайн, шайн, шайн майн штерн, – взвыл Ник вместе с захлебнувшимся двигателем и немцами в башке, – или, по-русски выражаясь, гори, гори моя звезда, другой не будет никогда... хир друбен им грабен... Грабен справа, грабен слева... Окей, гугл, напомни, грабен – это окоп или канава? Или один леший куда я сейчас улечу...

Эпичнейший дрифт и проход юзом в опасной близости от угла гостиничного модуля заметили только испуганная Альфуха, местная дворняга, да полыхнувший в небе зеленый занавес Авроры. Ник дал себе всего пару секунд на взгляд через плечо. Шайн, шайн, майн штерн. Я тебя догоню. Обязательно догоню. Потом.

Пятый входящий. Что у тебя случилось, Вит?

Принять звонок. В импланты. Видео-канала не будет, пока грузится весь этот чертов умный дом с колонками-помощниками, а я сдираю трое носков.

– Привет неспящим в Сиэтле, пардон, в Барнауле, – выпалить в эфир первым, заглушая скрип скинутого пуховика. – Что стряслось, Вит?

– Да так... Привет.

Ник с размаху плюхнулся на кровать. Порваться на маленьких стрижей, но как бы подать знак этому дому, что жрать хочу немилосердно? Однако такой смущенный голос в трубке было последним, что я ожидал услышать.

– Ты не разбился там на своих самолетах? – в лоб о главном.

Обиженное «пф-ф». О, сработало.

– Я что, по-твоему, так плохо летаю, господин Стрижов?

– Нет, это я хорошо опаздывать умею, – отшутился Ник и врубил видеосвязь.

Вообще все их разговоры негласно классифицировались на «полет нормальный, жжем, камраден» и «день с собой на вынос». Шуток тогда меньше не становилось, только были они матернее и злее. Но в десятки раз чаще Ник и Вит входили в рассинхрон – у одного аврора сияет синим пламенем, у другого из рук жизнь валится, и наоборот. Судя по бледному лицу Вита Обье в заэкранной полутьме, сегодня будет тот самый случай.

– Эмм, – Вит вдруг оценивающе вскинул бровь. – Гонки? Стритрэйсинг?

Ник непонимающе воззрился на собеседника. Что-то происходило, но почти сутки в сознании неумолимо уводили его в бессознательное и расфокус.

– Или это у тебя такая пижама? – уточнил вдруг Вит, повышая градус сюра.

И тут до Николая Стрижова наконец дошло, что вместо домашнего безразмерного свитера а-ля волчья шкурка и таких же брюк перед Витом Обье сейчас предстало спортивное, накачанное бесконечным туризмом тело в обтягивающем термобелье. Белом с алыми шевронами и поистине гоночным кроем. Мда-а. Вот тебе и засияло.

– Ага, всепогодная. Защиты от радиации только не хватает, – пошутил Ник. – «Стархантер эдишн». Показать тебе улов с нынешней фотоохоты?

Вопрос был риторическим. Вит никогда не отвечал отказом на подобные предложения, а там, глядишь, доберёмся до сути. До того, что по-настоящему важно сейчас.

Мобильный интернет – не сглазить бы! – располагал к тому, чтобы не испытывать мук выбора и скинуть всё разом. Ник не удержался, открыв один из снимков в графическом редакторе. Пара минут – и тонкие линии паутинками протянулись меж звёздных скоплений, складывая бесконечность Вселенной в привычный паззл созвездий Северного полушария. Денеб, Вега и Альтаир у самого горизонта – единственный знакомый Виту звёздный треугольник вдруг оброс туманными пятнами Млечного пути и росчерками крыльев Орла и Лебеда.

– Я лучше по твоим фоткам навигацию изучать буду, чем по учебным пособиям, – выдал лётчик, рассматривая самодельные карты звёздного неба. – Вот же, блин, вижу эти звёзды чуть не каждый день, а столько ещё не знаю...

– А может, потому я и знаю всё это, что не вижу, – ответил Ник, привычным движением пальцев снимая с глаз контактные линзы.

Вит запоздало отвернулся, чтобы не смущать друга. Вот же открытость и простота! Сколько тебя помню, Ник, ты всегда таким был. Хорошо, что и остался.

Заброшенный на север человек едва уловимо изменился, знакомым прищуром ударив Вита под дых через сотни и тысячи километров. Да, таким ты и остался, Ник, воистину. Сильнейшая близорукость еще в детстве ставила тебе подножку, но в духовную слепоту не превратилась. И сейчас, на фоне этого прищура, таким ничёмным кажется повод, по которому я вызванивал тебя в предыдущие десять минут... Но поздно уже делать морду кирпичом, тем паче – натягивать на этот кирпич улыбку, если...

– С февраля к межпланетным рейсам допущены только лунники «Рускосмоса» и его «дочек», – на одном выдохе сообщил Вит. – Нашу контору закрывают. Я подал резюме в «Рускосмос», но на том конце глухо, как в гробу. Это, видать, называется вежливым отказом. Сейчас торчу в барнаульской учебке, как бедный родственник. Пока все спят в сплошной субботе, я летнул уже во всех местных колымагах. Пытаюсь доказать, что нужен если не космосу, то хотя бы небу.

Ник хрустнул пальцами. Это замаскировало внутренний взрыв и полыхнувшее алым желание взять друга за руку. Можно было, конечно, сейчас же нырнуть в Сеть, но кажется, Виту требовалась не сколько поддержка, сколько адрес конкретной вакансии. Вот же черт, человек специально создан для полета, создан буквально, – генное редактирование, третье поколение, идеальные навыки и способность справиться со всем, что движется хотя бы в паре сантиметров над землей, – и вот пожалуйста, за бортом. Космолетчик. Космолетчик за штурвалом обыкновенного истребителя, или как там у них эта палка называется из пола... Да хорошо, если в истребителе, а не дистанционным оператором сельскохозяйственного дрона. Что может быть печальней?

Ник быстро глянул на бледное лицо за экраном, словно высеченное из мрамора и не выражавшее никаких эмоций. Интересно, всем этим лётчикам эмоциональный модуль вместе с участками генома вырезают?... Только фиг там, знаю я, что за этим омутом прячется.

– А чего хотел бы ты сам, Вит? Ну раз с космосом сейчас никак.

– Да хоть куда б уже полететь, – голос Вита в динамиках казался невозможно далёким. И дело было не в помехах. Просто чем дальше не позволял себе ни с кем говорить о важном, чем дальше не позволял себе чего-нибудь всамделишно хотеть, тем сложнее к этому возвращаться. – Раз не к звёздам, то в Арктику, например. Чтоб в полёте думать мозгами нужно было. Собственными, а не самолётными.

«Ну это вы, батенька, слишком многого хотите», – едва не ляпнул Ник, вспомнив разом и поезд без машиниста, и внедорожник без водителя. Те самые, благодаря которым он прибыл в эти богом забытые места точно в срок и без происшествий. Впрочем, пассажирская авиация ещё хранила верность традициям и брала в лётчики исключительно живорождённых людей, ибо чем выше от земли, тем ссыкотнее доверяться одной только бездушной технике.

– В Арктику, значит, – ушло вместо этого в эфир. – Тут как раз погодка самый смак: и обледенение тебе будет, и метель, и боковой ветер... Ты в какие-нибудь авиакомпаниях уже подал заявку?

– «Тут» – это где? – ненавязчиво ушёл от ответа Вит. – Арктика, она ж больша-ая...

«Ты не сказал, между какими меридианами мотыляешься», – вспомнил Ник. А зачем? Когда меня сюда посылали, Вит торчал в заливе Радуги на Луне с аварийным двигателем и ему было, мягко говоря, плевать на геометки мельче планетарного масштаба. Так а сейчас почему стало не все равно? «Ты еще спроси, почему именно в Арктику», – подколола Ника та часть сознания, что обычно заранее знает все ответы, но выдает их исключительно с фразой «а я же говорила». Все слишком очевидно... Виту просто некуда и не к кому было податься. Генномодифицированный ребенок из пробирки, детище коммуны, сын полка. После эпидемии таких плодили сотнями, попутно оттачивая перетасовку генов, но только забывали дать семью и якорек. Даже бабушки по распределению были для таких. И к кому же теперь, как не к тебе, Ник, если вы столько лет подряд каждое лето торчали на Волхове в лодке и ловили волну под заброшенным железнодорожным мостом?

– Териберка, – выдохнул Ник, пробуя на вкус непривычное все еще ударение на «и». – Это побережье, на восток от Мурманска. Тут большая стройка затевается в десяти километрах. Разработка шельфа. Может, там кто нужен, поищи.

Кивок. Тихое «спасибо... друг». Ник тихо фыркнул – неужели ты думал, что оттолкну?

– Так куда ты подал документы?

– В Питер, – Вит дернул плечом.

Ясно, в некоторых случаях и Петербург – это Север.

– Давай в Москву.

– Но...

– Москва больша-а-ая, ей видней, – Ника откровенно понесло, голод и сутки без сна превращали его в гремучий газ, желающий гореть и зажигать. И чем хуже все вокруг, тем жарче и ярче. – В Москву, камраден, в златоглавую. В какую-нибудь эйчарную лавочку, подбирающую...

<Входящее сообщение. Открыть?>

<Угу, и сэндвич с беконом. Бекон с сэндвичем. Два.>

– ...подбирающую работу всем нищим и обездоленным! К чертям Луну! Одни камни и колдобины! Может, у них есть что-то красивое...

<Доброго времени суток, Ник. Материал принят, сейчас в соцсетях разойдется на постновогодней волне. Ждем, когда у тебя там засияет. Кстати! Есть предложение от NordAugen. Они готовы предоставить на испытания бионические глаза для нашей корпорации...>

– Да что у них красивого...

– Нет, ты только подумай! – Ник вдруг судорожно сглотнул и крепко зажмурился, пряча слезы. – Например, полеты над Гималаями! Представь, ты летишь и видишь, видишь каждую черточку их излома, каждую скалу, каждую... Видишь, как...

<...но это другой контракт. На пять лет в Москве. Репортажка, нуар, движуха с элементами сермяжной правды – короче, так, чтоб душу у потребителя контента рвало. Операцию проведут в «ЗаВале». Клиника первоклассная, хотя нейминг по фамилиям основателей – так себе идея. Маякни, как решишь.>

– ...как солнце красит их в кармин, – выдохнул Ник.

Сейчас в кармин красило его собственный мозг, не выдерживающий перегрузки. Давай, Ник Стрижов, решай! Решай, хочешь ли ты бросить природу и заделаться репортажником – а что еще в этой Москве ловить? Решай, хочешь ли ты видеть на сотню процентов, ибо слишком тонка твоя роговица, слишком хрупок твой собственный глаз, чтобы прозреть по стандарту.

– А ты поэт, Ник, – выдохнул эфир.

Устал я, космолетчик. Устал очень. И сейчас моя интуиция выдаст контрольный совет, опередив мироздание на целый шаг, я сделаю все, что надо, и отрублюсь. И даже бекон с сэндвичем будет, наверно, завтра.

– У тебя все получится, Вит, – лечь перед экраном, почти исчезнуть с радаров. Дышать и петь. – Вспоминай меня. Был когда-то я. Утром был, и гром вызывал, звеня. Был ночным дождем, тишиной внутри, – Ник пел так проникновенно, что за эстетику грешно было зарубаться, – холодом лесным. Слыша музыку, люди смотрят сны. Сны, где я иду, сохранив плащом звезды.⁵

Качнулась в заэкране темная челка, исчезло бледное лицо. Макушка к макушке, и тонкая грань экрана прячет в себе тысячи километров и пару микронов до слова «рядом».

– В три струны льётся песнь моя. Звук был, был и я. Больше нет меня⁶...

У тебя все получится, пилот. А если нет, то я сам приеду. Поменяю глаза и, может, даже не ослепну.

Этому дивному новому миру не нужны старые люди.

«Апгрейдим тушку, починим душу» – таким (разумеется, неофициально) был девиз нейрокибернетической клиники Дэна Заневского и Катерины Валько. Тандем из кодера-электронщика и психолога-универсала творил чудеса. Иногда – вытворял. Но об этом Вит Обье, направленный в клинику «ЗаВал» для прохождения профессионального отбора, не знал и знать не мог.

Юркий робот за стойкой ресепшн отсканировал паспорт лётчика, проставил в системе отметку о явке и изящно указал ему лапкой на диван. Диван был эпичен. Тёплое и мягкое нечто, светящееся изнутри, имело рыжий чехол, выполненный гигантской кружевной вязкой. «Заснуть тут как нефиг делать, – отметил Вит, – а мне сейчас тесты на скорость реакции проходить и вот это всё... Интересно, а название они специально выдумали в духе „оставь надежду всяк, сюда входящий“? На лицо ужасное, доброе внут...»

– ...и нет, Дэн, я не хочу стирать эти воспоминания, – звонкий голос за ближайшей дверью мог принадлежать девочке-подростку, если бы не был таким железобетонно-усталым. – Надоело отказываться от себя. Лучше помоги мне снова вернуться в небо... раз уж твой отец отошёл от дел и умыл руки.

Вит непроизвольно прислушался. Мда, звукоизоляция в этой лавочке была не на высоте.

– Улетела птичка Буревестник, и не обещала вернуться, – это, вероятно, Дэн. – Зато оставила мне двух подопечных. Я так полагаю, идеальное комбо – это устроить вас обоих в одно и то же место...

– ...но быть идеалистами мы технически не в состоянии, – третий голос также принадлежал мужчине, и Виту отчего-то показалось, что тот грустно усмехается. – Я согласен на что угодно насчёт себя, Дэн, но чтоб Си летала. И чтоб нам друг до друга не двое суток на собачьей упряжке добираться.

Несколько секунд за дверью царил тишина, потом Дэн поперхнулся и расхохотался.

– Не на собачьей упряжке, значит... Короче. Есть вакансии от корпорации «Северная заря», прям как под вас писали. Пилот транспортного аэрокара и инженер-исследователь. Ну, как... ассистент инженера, но всем же ясно, кому на самом деле пахать придётся. Научная экспедиция, интегрированная с проектом разработки шельфового газового месторождения в духе

⁵ Карелия – Не буди меня

⁶ Карелия – Не буди меня

«одно другому не мешает». Пометки «human only» нет, значит, эти товарищи будут рады всем. Тем более – морозоустойчивым ребятам, которые жрать не требуют.

– Морозолюбивым, Дэн, – хохотнула неведомая Си. – Так им и напиши...

Чем закончилось странное трудоустройство, Вит не узнал. Стройная леди в облаке каштановых волос явилась пред его очи, представилась Катериной Валько и увела лётчика на тестирование.

Первые несколько минут Вит убил на попытки расслабиться и вообразить всё происходящее не более, чем забавным игровым квестом. Ну, в самом деле, какие могут возникнуть проблемы у него, пилота-универсала, который может поднять в воздух всё, что способно летать? У него, который не просто там мечтал о небе или выполнял родительскую волю, а был создан для полётов. В самом прямом смысле этого слова. Так что тесты сейчас – пустая формальность, призванная заполнить время в ожидании генетического анализа, который покажет, что процент мутаций, неизбежно накопившихся за эти годы в организме Вита Обье (не молодеем всё-таки), укладывается в допустимые рамки и ни в коей мере не влияет на участки ДНК, которые делают его пресловутым пилотом-универсалом. Анализ должен это показать, иначе...

Об этом «иначе» думать вовсе не хотелось. Время шло. При появлении разноцветных сигналов на экране Вит исправно тыкал в кнопку соответствующего цвета на пульте. Портативный анализатор ДНК, запрограммированный пробиркой с кровью лётчика, мягко гудел и щёлкал за его спиной.

– Вы говорите, хотели бы работать в Заполярье? – подала голос Катерина. От неожиданности Вит вздрогнул, едва не промазав мимо кнопки. А-а, наверное, на этих тестах психологу положено быть генератором помех. Нет, мадам Валько. Того, кто умудрялся успешно взлетать в «час пик» в аэропорту, садиться при плохой видимости на военный авианосец и опознавать ближайший аэродром по языку, на котором матерятся его диспетчера, вашим милым щебетом не пронять.

– Да. Хотел бы.

Катерина издала неопределённое «угм-м» и замолчала, пролистывая открытые вкладки на голографической полусфере своего рабочего стола.

– Вы знаете, товарищ Обье, что месяц тому назад Министерство транспорта приняло поправки к документам о профотборе критически важного персонала?

Вит стрельнул глазами в Катерину и вновь вернулся к созерцанию экрана, не ответив ни слова. Лётчик умел молчать десятком различными способами, и сейчас его молчание было вопрошающим. В духе «поясните человеческим языком, какую ещё свинью успело подложить мироздание?»

– Помимо тестов на психофизиологию придётся выполнить ещё пару личностных методик, – пояснила Катерина. – На вопросы поотвечать, проще говоря.

– Это ещё зачем?

Катерина вздохнула, и в её вздохе послышалось мучительное «да кто бы знал, почему им там в Минтрансе пригорело». Вслух же прозвучало цитируемое и формальное:

– Чтобы более точно прогнозировать степень соответствия кандидата профессии... ну, и наоборот. А это, в свою очередь нужно для того, чтобы по максимуму исключить личностные факторы риска, которые в повседневной жизни могут почти не проявляться, но в критической ситуации... Это вольный пересказ методички, если что.

Вит впился пальцами в края пульта, с трудом удержавшись, чтоб не приложиться головой об него же. Он торчит в «ЗаВале» уже два часа, проверенный с головы до ног пристрастнее, чем на таможенном контроле – а кто-то там наверху решил месяц тому назад, что этого маловато?! Ну, что ещё доказывать? И кому? Не понимаю, чёрт дери.

– А вы мне это... подскажите, как правильно отвечать?

Голос Вита наполнился весёлой злостью. Катька вздохнула ещё раз. За прошедший месяц её в том же духе брали на понт уже неоднократно. Лётчики, подводники, операторы атомных станций – никто не мог взять в толк, каким таким образом их же сущность может сунуть им палки в колёса. С генно-отредактированными было особенно тяжело. Они походили на пули со смещённым центром, на игровых персонажей, которым львиную долю ресурса грохнули на форсированную прокачку ведущего качества, обделив этим остальные. Как правило, сильней всего страдали коммуникативные навыки. «Дети из пробирок» были надёжны и схватывали профильные знания на лету, но учились общаться и быть общаемыми с тем же трудом, какой нужен для покорения гималайских восьмитысячников.

– Помогу, – ответила психолог. – Советом. Врать себе и мне – хуже, чем рубить сплеча, поэтому отвечайте, что думаете. А подсказывать и вовсе не буду – или прикажете вместо вас за штурвал садиться?

Вит советом проникся и следующий час провёл в некоем подобии транса, выхватывая из каверзных фраз ключевые слова и решая, «да» они ему, «нет» или «не знаю». А перед глазами плясали цветные пятна выпускной дискотеки в Академии космолота, и светлым пятном сквозь них двигалась фигурка датчанки Кирстен, единственной девчонки в потоке будущих лётчиков.

– Разрешить один вопрос, Вит, – подплывает Кирстен вплотную, – почему ты три года подряд поедал меня глазами из соседнего ряда и ни разу не попробовал замутить хоть что-нибудь похожее на отношения? Тебе просто духу не хватало или это не любовь?

Ну и как тут выбрать – «да», «нет» или «не знаю»?..

Но, говорят, нет в мире ничего вечного – вот и мутное тестирование наконец-то завершилось; анализатор ДНК к тому времени уже разродился распечаткой результатов. Вит краем глаза покосился на бумагу. Россыпь зелёных галочек помогла ему наконец-то выдохнуть и вдохнуть как следует.

– Ну что, этот ястреб ещё полетает? – донеслось до Катьки из-за монитора испытуемого. Катька улыбнулась ободряюще и растерянно. За все годы её практики не случилось такого, что вакансию, идеально подходящую соискателю, уводили у него из-под носа прямо в момент тестирования. Но факт оставался фактом: за прошедший час корпорация «Северная заря» успела где-то раздобыть лётчика для работы на своих шельфовых платформах и благополучно закрыла заявку. Пассажирские авиакомпании, понукаемые Минтрансом, выкатывали к кандидатам требования одно другого круче, почти как в древней песенке: «чтоб не пил, не курил, и цветы всегда дарил, в дом все деньги отдавал, тещу мамой называл, и к тому же чтобы он и красив был, и умён»⁷.

Каким образом следовало доносить не слишком утешительные результаты до соискателя, чтоб окончательно не обрубить ему крылья, чёртова методичка умалчивала. Катька вздохнула в третий раз. Да что уж там, вся наша жизнь – сплошная импровизация...

– Полетает, ещё как полетает, – ясные глаза психолога окинули Вита с тем непередаваемым выражением, на которое способен не выгоревший до конца специалист по отношению к своему клиенту, – но для начала вам придётся пройти коммуникативный курс при любой авиакомпании, Вит. Это, по сути, неоплачиваемая стажировка, зато после неё вам наверняка дадут зелёный свет. А там уже как-нибудь договоритесь, чтоб вас почаще на северные рейсы ставили, если эти края так манят...

Вит прикрыл глаза и решительно мотнул головой. В мире полумер он жить так и не научился. Что ж, красавица-Арктика, если ты не станешь мне женой, то и любовницей выходного дня я тебя тоже видеть не желаю. Потому что не любовь это, не ради тебя сказал про Север. Да и Ника только подрывать зазря и переводить в режим «ждем и надеемся» в зале

⁷ Комбинация – Чтоб не пил, не курил

прилета. А вообще, обидно как-то получается, и стыдно невесть за что. Например, за то, что некоторые искины с людьми умеют ладить лучше, чем человек-лётчик.

– А краснбайство, кстати, для чего вдруг понадобилось? – понесло Вита. – Самолёты так умны стали, что их теперь уговаривать надо на взлёт и посадку?

В Катку был встроен датчик эмпатии, не иначе. Она прыснула в кулак, потом ещё немного поскребла по сусекам эйчар-портала и с чарующей непринуждённостью уточнила:

– А высота ваших амбиций, товарищ пилот, ограничивается расстоянием от Земли до Луны? Или, может, на Марс махнём?

Вит как вдохнул, так и поперхнулся. Впрочем, «махнём» однозначно означало «а не махнуть ли тебе, товарищ Обье». Только кто ж даст разрешение на взлёт – этот милый психолог, что ли?

– Выкладывайте, что вы там откопали, – сдался Вит, с безмерным удивлением осознав, что улыбается. Слабо, уголками губ, но всё-таки – улыбается. Впервые за чёрт знает сколько времени.

Глава 0

Лучшим моментом дня Айзек считал тот, в который ему удавалось распознать тонкий свист маневровых двигателей среди белого шума метели. Тогда он выходил из недостроенных жилых модулей на улицу и падал, раскинув руки, в снег рядом с посадочной площадкой. Во-первых, так Си на своём тяжеловесном грузовом аэрокаре могла точнее прицелиться, а во-вторых, Айзеку просто нравилось наблюдать за её посадкой с такого ракурса.

– Птица моя. Привет.

– Вот, снова какого-то барахла в гнездо натащила, – смеётся Си. – Привет...

«Барахло» являло собой термопанели для внутренней отделки зданий будущей научной базы. Помимо специальных знаний об их монтаже Айзек загрузил себе список финских ругательств, дабы повысить точность установки панелей на сваи, вбитые ещё осенью и слегка поехавшие к середине зимы.

Двое работали сутками напролёт – не потому, что стремились выслужиться или кому-то что-то доказать, а просто потому, что могли. Когда кинетическая система в их телах требовала короткой перезарядки, двое ложились на бетонный пол плечом к плечу и слушали музыку – всякий раз новую. Или играли в города – на память, без подсказок поисковика, ибо неспортивно. Или просто лежали, закрыв глаза и невесомо соприкасались пальцами, познавая пределы собственного восприятия.

– Какими будут люди, которые сюда приедут?..

Экспресс-курс человеческой психологии, пройденный под началом Катерины Валько ещё в Москве, оказался почти бесполезен. Айзек просил точные формулы расчёта вероятностей человеческого поведения. Си разгоняла модуль эмпатии на полную – тогда ей удавалось понять, но не принять.

– Что такое скука? Как можно ревновать человека не к другому человеку, а к его любимому делу? Кого спасает ложь во спасение?

Ответ если не на все, то на многие вопросы мироздания нашёл Дэн.

– Что люди, что искины – один фиг, живём по коду, вбитому в мозги. Только языки... хм, разные.

– Значит ли это, что человек не в состоянии хакнуть собственный код, раз это не дано искину? – моментально развил аналогию Айзек.

Дэн помолчал, обдумывая ответ. Ему так и хотелось ляпнуть «и вам было бы дано, если бы не запретили на мировом уровне», но в беседах с искусственным разумом следовало быть предельно точным и аккуратным.

– Сам – не может. Ни человек, ни искин. В лучшем случае – пропатчить какие-нибудь мелочи и нахвататься дополнений, которые не противоречат основному коду.

Айзек задумчиво кивнул; спохватившись, добавил своё старомодное «благодарю» и задумался ещё больше. Честно говоря, за этого подопечного Дэн переживал больше, чем за Си, и дело было не в том, что Айзека писал неведомый чужой кодер, тогда как Серебряный самолёт был результатом более-менее понятных технологических извращений Кира Заневского, отца Дэна. Дело было в другом.

– Пока искин орбитальной станции будет веровать в торжество добра и разума, искин истребителя не постесняется навалить противнику во имя пацифизма, – Катерина Валько в коде была не сильна, но понимала, видимо, любого, кто способен мыслить. – Надеюсь, не случится ничего, что сломало бы этого космического парня...

Эти слова Айзек и Си уже не слышали, потому что были в пути.

Арктика встретила их чёрно-белым контрастом бесконечного снега и засыпанных снегом камней. Был день – точнее, сумрак умирающей полярной ночи, была цель и был смысл.

Спустя неделю над территорией Штокмановского газового месторождения воссияло солнце, обозначая конец Великой тьмы; в Териберке по этому поводу устроили народные гуляния. Айзек и Си подключили модуль солнечных батарей к гибридным генераторам и благополучно отчалили в посёлок.

Это был фурур. Не-местные, высокие и гибкие, подходящие друг другу, словно катана и танто от одного мастера, пляшущие с непокрытыми головами в минус пятнадцать – если искины планировали затеряться в толпе, им это не удалось чуть более, чем полностью. Кто-то предложил напоить пару глинтвейном и медовухой; Айзек попытался объяснить незнакомцу, что из всех жидкостей они с Си способны воспринимать только дистиллированную воду и наномесь «Ambrosia01», но не преуспел.

– Так бы и сказали, что трезвенники, – подмигнул незнакомец. – Ну, это ненадолго. Как тут можно жить и не поддавать для сугреву-то?..

– Мы за рулём, – отранжировав «топ-10 отмаз от попойки» по степени применимости к ним с Айзеком, выдала Си. Незнакомец снисходительно фыркнул в том смысле, что мужик-то ладно, но такая тощая девчонка не сладит с внедорожником, а больше тут ничего не проедет. А потом он, собственно, узрел транспорт.

– Говорю же, мы за рулём, – запрыгнув в кабину грузового аэрокара, уточнила Си под вой разгоняющихся движков. Айзек нырнул следом на место штурмана. Снежная пыль столбом взвилась в морозный воздух над Териберкой, и тяжёлая машина сгнула в неизвестном направлении.

К счастью, искусственные тела не умели икать, иначе Айзек и Си сдохли бы от икоты в следующие несколько дней, когда посёлок с упоением набросился на новую благодатную тему для обсуждений.

– Хочешь кофе в постель – спи на кухне, – провозгласил Ник, звоном чашек отмечая первое утро февраля. Вит тихо рассмеялся и быстренько утащил кофе к себе на подоконник, благо тут было недалеко тянуться.

Тут вообще все было недалеко. Жилая капсула, которую заняла парочка неприкаянных душ, метражом больше смахивала на нору или гнездо и была обставлена с претензией на хайтек в духе японского минимализма с атмосферой хюгге. Короче говоря, вместо кроватей – два спальных модуля, этикие сплошь пластиковые коробки с мягкими стенками внутри, подушками, шторками и маленьким диодиком в потолке. Ложишься, шторку закрыл – и вот твои собственные два метра. А захотел ты поесть, скажем, – в стене окно доставки из фастфуда, что на первом этаже, до твоего непрестижного тридцатого долетит быстро. А дальше песня про японский минимализм, ибо стола у тебя нет, только поверхность того самого спального модуля, и стула у тебя нет, только та самая подушка. Вот и выгребай крошки потом, прежде чем лечь спать... Да не забудь погасить пирамидку электрических свечей у входной двери, это вечное рождественское хюгге.

Ник потягивал кофе и задумчиво обозревал окрестности. От серовато-палевых стен пахло спокойствием и шизофренией, а положение дел спасало только окно с видом на... чужое окно. Впрочем, эта жердочка сразу была отдана пилоту по праву крови, ибо правом стрижиной фамилии Ник не спешил воспользоваться – эксгибиционизм тридцатого этажа того не стоил. Последний глоток кофейной отравы горечью процарапал горло. Шайн, шайн, майн штерн... Нет, в этой комнате, да еще и накануне операции, это звучит как издевка.

«Не поется в клетушке, – мельком подумал Ник, отворачиваясь и пряча лицо. – Только как там было, светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома...». А что такое дом, Николай Стрижов? Старая изба на берегу Волхова, которую того и гляди подожгут или сне-

сут, чтобы не портила вид соседним виллам? Гостиничный модуль в Териберке? Сотня отелей за десять лет командировок? Скачешь по точкам на карте, распятый географией, со скрученным тахометром под лопаткой, ты бежишь от одного «дома» до другого. Еще минута, две, – и ты взвоешь, что променял звездное небо на эти четыре стены. «Нет, не важно где, важно с кем. А иначе бы ты выбрал бы Арктику, а не Вита», – Ник никогда не баловался кодерством, но сейчас четкие команды на интерпретацию реальности казались единственным спасением.

Скрип зубов был почти беззвучным. Ник сделал два шага в сторону двери и мягко осел у кучи своего фотобарахла. Пожалуй, это было тем, что с натяжкой можно было назвать если не домом, то имуществом. А скоро и этого не понадобится. В «ЗаВале» его ждали к часу дня, рюкзаки с документами и сменой белья он скидал еще с вечера.

– Ты куда сегодня, Ник? – спросили за спиной.

Врать не хочу, говорить о несделанном тем более. А еще мне жутко страшно, Вит. Я боюсь прозреть, а если поделюсь страхом, то мне еще тебя успокаивать. Так себе логика, друзей недостойная, но вечером я вернусь и ты сможешь зашвырнуть в меня тапком, кружкой, носком... Черт, носки не взял.

– Привыкать к новой среде обитания, – выдал Ник, – окрестности осматривать... А ты уже весь за ионосферой, только тушка здесь валяется?

Вит улыбнулся. Ник не видел, но чувствовал волну оранжевого тепла. Интересно, если он прозреет до единицы, то потеряется ли все остальное?..

Носки. Не забыть носки.

– Профотбор прошёл, – в голосе пилота искрилась Надежда. – Грехи не отпустили, но куда одного ястреба приткнуть, нашли. Завтра приемная в «Рускосмосе».

– Предлагаю устроить генеральную репетицию сборов! И найти мои носки.

– Что?

Ник победно вскинул голову. Москва, Арктика, да хоть папа-Сахалин и Хибинь-мать! Еще умею выбить искру из этого мира, слепой или нет – не имеет значения.

– У нас отличное бюджетосочетание уже три дня как, но вот носки... Носки у нас не сочетаются. Почему твои лежат на моих объективах, а?

Ну давай, скажи мне, что я чокнулся. Да я просто трус, мой дорогой космолетчик. Или я буду шутить, или кирпичей наложу от мысли, что мои глаза, мои родные прекрасные хрупкие глаза, заменят на какую-то бионическую фигню. Это там, за полярным кругом, я согласился почти не раздумывая, а ту-у-ут...

Пара шагов до спальных коробок.

– Мне не нравится, как они стоят.

О, вот так я уже вижу, как ползут к затылку твои брови, Вит.

– Нет, я, конечно, помню песенку пиратскую – мы спина к спине у мачты, против тысячи вдвоем! Только в этой конуре я хочу засыпать не с видом на сортир, а...

Ник с размаху развернул ближайшую коробку. Стол из нее все равно был так себе.

Тихий вздох невесомо задел щеку, и синхронный разворот второй коробки стал молчаливым ответом. Через пару минут подпихивания и выравнивания спальные модули глядели друг на друга разинутыми ртами, наплевав на все остальные двадцать квадратных метров арендованного пространства. И это было правильно.

А еще через полчаса Вит Обье, оставшийся один на один с серым февральским полуднем, обнаружил в окне доставки торт «Прага», настоящий, не какую-нибудь синтетическую имитацию... и пакетик мороженой клюквы. И он вдруг понял, что его так смутило при прощании с Ником.

У фотографа дрожала рука.

Трижды возгуглив адрес «ЗаВала», Ник тихо выматерился. Ошибки не было – означенная клиника обитала прямо на границе Старой Москвы и Москвы-2, и ее достижение было возможным только переходом через Павшинский мост. В январский гололед это смахивало на самоубийство. «Зато там расценки, наверно, дешевле», – припечатал внутренний скряга, хотя платить было не ему и вообще.

Теплый рот метро выплюнул Ника в ста метрах от моста вместе с осознанием, что линзы он забыл дома и нечищенный тротуар рассматривать бесполезно. Оставалось положиться на виртуозность вестибулярного аппарата и отключить мысли. Ну или подумать о чем-нибудь отвлеченном... Например, что это место еще два века назад было Меккой жилищного дауншифтинга для всяких гиков, кодеров и молодой интеллигенции, прельстившейся поймой Москвы-реки и близостью метро. Кто ж знал, что через десятилетия... ой, мать вашу... что через десятилетия здесь все останется как было. Нечистенно и скользко.

«Павшинская Пойма приветствует вас! Прослушайте краткую историческую справку...»

Шуганувшийся Ник сделал сальто на верхней точке моста и уцепился за поручни. Принятый имплантами сигнал имел приоритет Администрации Москвы-2 и останавливать вещание не собирался.

«...Стоянка древнего человека и языческое капище на берегу Москвы-реки, обнаруженные нашими археологами, несомненно, являются лучшим доказательством плюсов проживания в нашем округе и благостности данной местности, что было замечено еще далекими предками...»

А мимо Ника бежали, летели, ехали всеми возможными способами нынешние потомки, готовые молиться любому богу, чтобы не разбиться насмерть по дороге к метро или дому.

Администрации молиться было, впрочем, бесполезно. Ник вспомнил свою практику на заводе «Зенит» – кажется, он сдал ее экстерном только ради того, чтобы не сокращать свою жизнь ежедневными переходами из мира Москвы-старой в мир ее новостроечного хай-тековского двойника.

– Может, хоть в ЗаВале есть коньки на обратный путь, – пошутил фотограф, и, перехватывая руками струны вант, начал спуск. Художник в нем тихо и молча любовался ключьями тумана, наползающими с реки прямо на опоры моста и стеклянные башни Администрации. Было что-то домашнее в этом пушном одеяле... Показать бы Виту. Вот поставят глаза новые – щелк и сразу другу фотоньку отправил. Надо уметь видеть плюсы. Как древние люди.

Так в попытках настроиться на благостные мысли Ник преодолел мост, перебежал бульвар, едва не загремев под аэротакси, и нырнул в лабиринт жилых домов. Здесь они были приличной двадцатипятиэтажности и не так загораживали солнце, как дома в Строгино или Текстильщиках.

«ЗаВал» обладал диодной вывеской и начищенным крыльцом. Ник на радостях рванул вперед со всей дури и прилетел лбом в прозрачную стеклянную дверь, не успевшую вовремя убраться с дороги.

– Аки мотылек, агрррх, – прорычал Стрижов.

Робот-администратор спрашивал что-то дежурное про запись, но Ник сейчас предпочел бы тишину и пакет замороженных пельменей, например. На лоб.

– Вы целы? – раздалось вдруг над ухом совсем не автоматическое, а настоящее.

– Местами, – отвечивал Ник, усилием воли отрывая руку от разбитого лба и поворачиваясь на голос. – Я...

«...обычно только в глазных клиниках так влетаю», – хотел отшутиться Ник дальше, но почему-то осекся. Зрение, конечно, было сейчас не помощник, но от стоявшего рядом мужчины исходила такая спокойная уверенность в ситуации, что, казалось, разбейся Ник здесь

до полусмерти – этот человек ни минуты не сомневаясь собрал бы его заново. И при всем том совершенно птичья резкость движений – секунда, и документы уже забраны из рук, а страницы неистребимой печатной бюрократии листаются чуть ли не со скоростью 25 кадров в секунду. «Киборг он, что ли...» – мельком подумал Ник. Но нет ни светящихся дорожек микросхем на коже, никаких явно стальных деталей под простой водолазкой и вытертыми джинсами. Да и лицо обычное вроде, ассиметричная ухмылочка вот появилась...

– Ну что ж, давайте знакомиться, – проговорил мужчина, пристроившись за стойкой администратора и приглашающе махнув рукой. – Я Заневский Денис Кириллович, можно просто Дэн, ибо за несколько дней нам этот официоз надоест до оскомины.

– За несколько дней? – эхом отозвался Ник, чувствуя, как предательски ударяет вдруг в лицо жар и слабеют колени. Вит. Он же его даже не предупредил. Чер-р-рт...

Заневский вскинул голову. Они смотрели друг на друга почти в упор, и зеленые глаза хозяина клиники, сначала удивленно раскрытые, медленно превращались в понимающий грустный прищур.

– А вам не рассказали, на что вы подписываетесь? – тихий голос ударил по нервам. – Совсем ничего не рассказали?.. И могу поспорить, искать видео на ютубе вы просто испугались, а читать договор сочли ниже своего достоинства, ибо какая разница, что там за кабала.

Повернувшись к шкафам за спиной, Дэн достал с самой верхней полки какой-то полупрозрачный сверток полиэтилена и положил на край стола. За толщиной воздушных капсул и россыпи силикагеля мягко блестели два аморфных чипа с длинными нитями контактов.

Фотограф молча смотрел на предложенный к употреблению апгрейд. Интересно, если сейчас сгрести все документы и сбежать, меня переведут куда-нибудь в отдел церковного просвещения или сразу вышвырнут из журнала?

– Все уже оплачено, – мягко возразил Дэн.

– А можно будет сегодня вечером уйти?..

– Вы смотрите на меня так... – Дэн запнулся, – так, как мои девчонки, когда что-то выпрашивают. Не надо, Николай. Я не хочу выпустить вас отсюда через три часа после операции и через четыре часа после нее же найти вас в психушке. О, я вижу, вам и этого не рассказали... У вас в карте здесь написано минус десять диоптрий. Я выправлю вам зрение до единицы и тут же отпущу в гущу Москвы. Ни тонкой подстройки к имплантам, ни привыкания к сверхчеткости, неумение пользоваться собственными фидами ко всему прочему. Мир обрушится на вас как многотонная сверхдетализированная масса, понимаете? – в ход пошла вся сила убеждения. – У вас закружится голова, вам станет страшно сделать даже шаг, вы не почувствуете расстояния. Сейчас вы ориентируетесь на световые пятна, и вдруг одно из них превратится в лицо любимого человека. Вы увидите каждую его морщинку, каждый изъян, каждое движение мимики – и не сможете отфильтровать детали, чтобы мир сумел остаться прежним. Вы ведь не видите сейчас моих глаз, верно?

И как всегда бывало в моменты, когда почва уходит из-под ног, а тебе, например, надо встать на галерке во весь рост и на фоне сотен человек, перекрыв голосом шум, задать самый неудобный вопрос для президиума, глаза у Ника непроизвольно наполнились слезами. И сквозь соленую линзу он увидел тот самый мир абсолютной единицы. Искрится радужка Дэна Заневского, она цвета майской зелени в старице Волхова. Электро-белый свет клиники нестерпимо резок, мир вокруг оказывается разноцветным в хай-тек геометрию. А пакет с бионикой, которая делает эту картину мира новой константой, медленно уплывает за край стола...

Наверно, это сработали рефлексы. Когда что-то падает, рушится, ускользает от нас – мы кидаемся за этим вслед, в любую бездну, не давая разбить и разбиться. Ник резко развернулся, пытаясь ухватить сверток рукой. Но пальцы встретили сопротивление. Не понял...

– Моряна! Ясна!

На Ника испуганно пялились два кудрявых чуда в перьях, пардон, в комбезах. И с бантами. Но их цепкие ручонки продолжали тянуть у Ника сверток.

– Что происходит? – Дэну явно очень хотелось подкатить глаза к потолку, но тогда это значило бы выпустить из прицела взгляда сладкую парочку. – Разве я не говорил вам...

– Мы тоже хотим разби'ать людей! – на весь холл заявила темненькая, что была потоньше и повыше.

– Чтобы помочь им починиться, – добавила светленькая, и еще сильнее потянула на себя сверток. – Мы там уже все настроили!

Дэн явно хотел добавить к этим заявлениям что-то неподобающее возрасту 5+, но Ник решил, что хватит с него этого сюра и пора брать разговор в свои руки. С детьми он всегда ладил быстро, хоть и сам к тридцатнику не обзавелся своими.

– Как вас зовут, юные хирурги?

Детвора переглянулась. Видимо, нечасто к ним обращались напрямую.

– Ясна, – представилась светленькая и вдруг зарделась.

– Моргыана, – хмуро ответила темненькая и пробурчала совсем тихо. – Везёт тебе, Ясна, не надо Г выговаивать, когда спрашивают, как тебя звать...

– Море Ясное, – кивнул Ник и услышал удивленный выдох там, где должен был находиться отец этой парочки. – Так вот, хирурги, у меня к вам деловое предложение. Оставим папе мои глаза и займемся более интересным и очень *нужным* делом.

Волшебное слово «нужность» немедленно вернуло глаза на место. Это вам не баловство, это что-то прямо грядет!

– У вас краски есть здесь?

Синхронный кивок.

– Тогда берите краски и идите к входным дверям. Папа сейчас отключит автоматику и вы разрисуете всю дверь, хорошо? Чтобы такие вот люди, как я, больше не врезались в нее сослепу.

Две сестры с воплями команчей нырнули в недра клиники, а Ник посмотрел на Дэна. Тот улыбался.

– Я хотел просить лично вас, но раз так... – слабо оправдался Ник, но тут же перешел к делу. – На каких условиях я остаюсь у вас и на сколько дней?

– Минимум пять, – коротко кивнул Дэн. – Импланты придется отключить для тонкой настройки и во избежание помех. Поэтому если есть какие-то незаконченные дела – вот диван и сколько угодно времени. Простите, но такой порядок, Николай...

– Ник. Я буду готов через пятнадцать минут.

Упасть на белую кожу дивана, увидеть свое растрепанное отражение в зеркальном потолке и быстро спрятаться от него за ширмой век.

<Отправить сообщение>

For: Ястреб

«Вит, я тут пропаду на несколько дней. Все хорошо будет. Клюквы мне оставь немного»»

Входящее выдернуло невидимую чеку, позволяя пульсу ударить в голову. Сбитое дыхание, полная потеря самоконтроля. Последний раз такое было в заливе Радуги, когда отражатель фотонной тяги начал рассыпаться в труху прямо во время посадки. Мысленная молотилка в голове стала невнятной, но ощутимой почти физически. Не помогло даже распахнутое настежь окно. Оставить клюквы – да легко, только что за смешной якорек такой? Что-то из разряда очень теплого, вроде недопетой песни или должка в виде редчайшей кенийской арабики. Так цепляются за жизнь те, кто не позволил себе большего...

И вдруг – как выключило. Ни мыслей, ни волнения. Пустота и невыразимая легкость, почти отрывающая от земли. Невесомость здесь и сейчас.

Вит скосил глаза на часы. Пятнадцать минут прошло.

Что с тобой там, Ник?..

Глава 1

Сон схлынул мгновенно, превратив кривую пульса в холку ошетилившегося зверя. Ударная волна, пущенный по телу ток – Ник не знал, с чем сравнить такой переход от сна к яви. Слишком резко, слишком страшно. Как лед пробить с той стороны...

А в ушах звенела почти абсолютная тишина. Почти – потому что рядом был какой-то шорох. Словно дышал кто-то. Стерег. Охотился.

Ник попытался открыть глаза. Свет не появился. Кромешная тьма расцветилась оранжевыми искрами. Ослеп? Ослеп?!

– Да чтоб вас всех!.. – крикнул Ник, отдаваясь животному страху.

– Тш-ш-шш, тише, тише...

Мягкие теплые ладони схватили его за кисти рук. И замерли.

– Это просто повязка. Все хорошо, Ник. Все хорошо.

Голос был женский с той хорошо знакомой интонацией матери, у которой на руках вырос уже не один беспокойный спиногрыз. В отпечатке тьмы под веками вдруг появилось лицо старой знахарки с Имандры – та говорила на своем языке, но так же уверенно и по-матерински брала на себя ответственность за горе-фотографа и его подвывихнутую ногу. Птицы. Птицы под крылом прячут.

Ник больно прикусил губу. Одно в голове никак не вязалось – теплые сильные руки были... почти мужскими? Да о чем угодно сейчас, только не о...

– А вы похожи на своего отца? – уточнил Ник у темноты. Его откровенно понесло.

Темнота смутилась, и руки вдруг исчезли. Ну вот, спугнул.

– Это флирт такой, да? На больничной койке? – рассмеялась женщина совсем без капли напряжения.

– Паника бывает разной! – провозгласил Ник. – А когда я паникую, то услышишь и не такое...

Страх уходил. Фотограф донырнул до дна и ослеп. Отрицание, гнев, принятие? Обидно, Ник, ты так легко вписался в единый для всех шаблон.

– Вот отойдешь на пару минут, а жену увели, – Дэн появился в пространстве разговора совершенно бесшумно и кто знает, был он здесь с самого начала или только зашел.

Ник безошибочно повернул голову на звук. Чего греха таить, он давно тренировал свое тело, готовил рефлексy, отработывал реакции... Он готовился к тому, что может ослепнуть. Компенсация и замещение происходили сами собой, но тем острее и сильнее хотелось оставаться фотографом, хотелось драться за каждый кадр и ролик.

– Снимай повязку, Ник.

Пальцы нащупали застежку-липучку на затылке быстрее, чем мозг заметил фамильярное «ты». Принят в семью, что ли?

Рывок. Бархатный лоскут скользит по щеке вниз. Вдохнуть глубоко, как перед нырком в сеть, и открыть глаза.

Пятна.

Светлое, темное.

Искра.

Слезы?

– Нни... – голос у Ника прервался. – Нничего не изменилось.

Пустое это все. Надо было гениальное редактирование родителям пользоваться, а не киборгом становиться.

– Но ты же нас видишь? – уточнил Дэн с плохо скрываемой радостью.

И не дожидаясь ответа, в секторе обзора сощуренных глаз появились провода и планшет. В руки ткнулся разъем под импланты.

– А что толку...

– Подключайся, – усмехнулся вдруг Дэн. – Да на Катерину любуйся, разрешаю.

Короткий импульс иголочками прошелся по виску, стоило только подключить кабель. Ник, раздавленный мыслью, что ничего из затеи не получилось, с трудом заставил себя поднять голову и посмотреть на Катерину. Красивое имя. Да и она, наверно, красивая. Руки добрые ведь.

Размытый светлый лик в обрамлении каштановых кудрей вдруг стал четче. Это было странно – будто художник работал сейчас над мирозданием, ребром мастихина пробивая контуры в размазанной пелене. Сначала золотистый блик на косой челке. Потом ямочку на подбородке. Соболиные брови и короткие выгоревшие ресницы. Маленькая морщинка в уголке губ...

Он понял. Пальцы Дэна скользили по планшету, он видел их периферическим зрением. Этот бог апгрейда выкручивал диоптрии, пробуя на прочность нервы Ника.

– Жги, – выдохнул киборг.

Глаза. Ее глаза. Не оторваться. Искрящаяся небесная радужка, невообразимо редкого оттенка опаловой океанской волны у самого берега, которая идет на тебя, закрывая солнце... И если эта волна погасит ветер, то надо лишь успеть вдохнуть перед тем, как узнаешь что там, за гранью.

Отрицание, гнев, принятие? Ник вдруг жестко сощурился. Жизнь менялась в ритме «ахтунг, импровизируем», каждый новый день добавлял сто грамм радости с оттенком полынной потери, но ненависть к шаблонам оставалась непоколебимой скалой, бараньим лбом, режущим океан. И психологический ГОСТ разобьется вдребезги так же, как и волна, потому что за принятием есть и следующий шаг.

Я принял новую реальность, док, но дальше жечь буду я.

Перехват управления.

Зум.

Дэн успел только тихо чертыхнуться, но планшет уже был бесполезен.

– Десять седых ресниц, – констатировал Фотограф, продолжая глядеть Катерине Валько не то в глаза, не то в самую душу. – Сколько еще тогда седины под краской в кудрях спрятано... Что за горе вас так убило?

И все-таки было невыносимо тяжело. Ник чувствовал, как тянется по черепу полоса огня и превращается в настоящий пожар у имплантов. Мир был резким невыносимо, а вязкая муть в голове все больше походила не на последствия наркоза, а на защитную ширму перегруженного сознания. Женский голос говорил что-то про сыновей, то ли погибших, то ли без вести пропавших, но веки смыкались сами собой. И это тоже был шанс на выход из глубины.

Повязка снова обхватила голову. Легкий браслет холодным металлом обжег пульсирующую вену на запястье. А теплые руки... О нет, они не обиделись, они не держали зла. Они заботливо поправили под головой подушку и смахнули слезинку, показавшуюся из-под повязки.

– Ты справишься, Ник. Все хорошо будет.

Кажется, Заневский и Валько сказали это одновременно.

И потекли долгие дни в комнате с белыми стенами. Браслет оказался не прикроватными наручами для пленения малость ненормального Стрижа, как поначалу нарисовалось Нику в воспаленном воображении, а весьма полезным пульсометром, избавлявшим от классики жанра «больной, просыпайтесь, пора пить снотворное». Сон был неприкосновенен, но распорядок дня в «ЗаВале» никто не отменял. И утро неизменно начиналось с букета цветов и Катерины, этот букет вносящей. Где ей удавалось добыть в февральской Москве ромашки

и васильки – уму непостижимо, но Нику казалось, что он запомнил теперь каждую веточку, каждый листик, да на всю оставшуюся.

Вторым посетителем был Рыжик. В этой лавочке нашлась даже котейка, и даже котейка была как с Альфы Центавры – непуганая и мурчливая, мигом обшерстившая толстовку Ника в знак не то безусловной любви, не то заявления прав собственности на эту самую толстовку. Потом права на Ника заявлял Дэн, чаще – один, иногда с каким-нибудь врачом, представлявшимся то хирургом, то офтальмологом. Твердить попугаем, что ничего не болит – о, это получалось очень убедительно. Врачи уходили довольные и счастливые, но Дэн оставался. Дэн оставался надо-олго, ровно до того момента, пока Ник не начинал просить пощады.

Это было жестоко. Это было необходимо.

Это была муштра, которая смутно напоминала изучение английского в детстве.

Фокус на дальний угол комнаты. Зум. Резко переключиться на передний план. Сколько вен на моем запястье? Сколько лепестков у ромашки? Сохранить кадр. Нет, не через файл памяти, а скинуть прямо на карту в имплантах, минуя мозг и субъективность. Видеопоток... Мгновенно нагревается дорожка контактов, вшитых под кожей на виске, и Дэн тихо чертыхается на тему отечественных комплекующих. Тут же Нику выдается гипотермический пакет, и все повторяется по кругу. Доведение реакций до автоматизма – оказывается, редакция заплатила даже за это.

– Им надо было еще мозгов для этого всего прикупить, – выдыхал Ник в пустой комнате, оставаясь один на один с тарелкой супа.

Так начиналась вторая половина дня, комбинация сна, лежания под киберврачом и возни с Морем Ясным. С какого перепуга детвора признала в фотографии наставника (или главаря банды), так и осталось загадкой, но запертый в белых стенах Ник вдруг стал центром притяжения цвета и света. Сестренки оккупировали кровать, одеяло превратили в «фигвам», потому что слово «юрта» Моряне было не выговорить, а Нику воткнули перо. К счастью, за ухо и не за то, где наложили швы. Правда, сказать про индейцев Ник мог не больше, чем эти оторвы уже узнали из книжек, а за вопрос «где ваши куклы?» чуть всерьез не лишился скальпа.

– А давайте я расскажу вам про Север, – предложил фотограф, чувствуя себя Диком Сэндом и Жаком Паганелем разом. Ну то есть находящимся в плену аборигенов и страстно желающим обойтись без членовредительства.

– А что такое север-р? – уточнила Ясна из «фигвама».

Ник облегченно выдохнул. К вечеру детвора переместилась из штата Мичиган на озеро Имандра, сообщила, что «нарэй то»⁸ прямо в феврале, и завалила белого медведя. Надо уточнить, кто из пациентов этой лавочки стал медведем?!

Но иногда слов не хватало, а отключенные импланты лишали поиска по картинкам, и тогда Ник брал у сестер краски, чтобы рисовать то, что сложно описать словами. Простенькая палитра акварели была по сетчатке нестерпимо яркими, кричащими, неестественными цветами. Но в песне про северные сияния это было даже к лучшему. Ник вбивал в лист бумаги ультрамарин с кармином, оставляя место для салатových всполохов авроры. При этом с его губ слетали старые северные сказки вперемешку с советами рисования «по-сырому». Переключение фокуса наконец перешло в тот самый автоматический режим, которого добивался Дэн: размывки и пятна облаков на миопии в минус шесть, тончайшая графика карликовых берез – в сверхточной единице.

И лишь когда Катерина утаскивала мелюзгу домой буквально за шкуру, Ник оставался один на один со своими мыслями. У него было всего двадцать минут на это, до последнего укола обезболивающего и сонного забытья. В эти минуты соблазн подключить импланты, выломать окно, сбежать из комнаты – одним словом, совершить ошибку и выйти на связь

⁸ «весна настала» с ненецкого

с Витом, – был почти невыносим. О да, вроде бы никаких обязательств, квартплата внесена на месяц вперед и вообще, но останавливало Николая Стрижова совсем не это. Всю свою жизнь он чувствовал себя рядом с Витом человеком если не второго сорта, то чем-то вроде. Он не завидовал – он восхищался генноотредактированным французом, которому дали все: птичью грацию движений, почти идеально симметричное лицо, быстроту реакций и главное – ястребиное зрение. Где-то, конечно, недопилили со смешливостью, харизмой и умением по земле ходить, но так пилотам того и не надо. А сейчас у фотографа появился шанс дотянуться до идеала хотя бы по пункту «зрение». Стоили того эн дней молчания в сети или нет? Кто знает, кто знает, только самовольно загубить свой единственный шанс Ник совсем не хотел. И засыпал, стискивая в кулаках простыню.

Рядом, вокруг, внутри спала Сеть, свернувшись клубочком до востребования.

Вита Обье можно было поднять в три ночи вопросом «назови десять отличий в фотонных движках первого и второго поколения», и он ответил бы без запинки, попутно обворчав спросившего на предмет «поспать тут всякие не дают». Но вот уже вторую ночь подряд лётчика будил не воображаемый дотошный экзаменатор, не уведомления из неспящего чатика экспедиции «Марс. Зеро», а призрак Ника.

– Дождись меня, – склонившись над растрёпанной макушкой Вита, тихо просил фотограф и, не давая себя поймать, шагал сквозь закрытую дверцу шкафа. Сегодня, правда, добавил «я в порядке, не волнуйся» – наверное, чтоб Вит не поставил себе второй синяк на лбу в попытках нырнуть в шкаф следом, как было предыдущей ночью.

Текстовые сообщения Стрижу от Ястреба копились на сервере, нетронутые.

– Где тебя носит, птица? – уставившись в тусклую звезду светодиода на потолке, спрашивал Вит.

«А с хрена ли он тебе должен отчитываться, Обье? Оба, часом, не первоклашки лет двадцать тому как. И уже нет той бабушки, которая тебя за Коленькой просила приглядывать, чтоб он на дороге ни обо что сослепу не споткнулся».

– Акулина, открой сайт справочной службы московских больниц.

– Минуту, – бодренько отозвался русскоязычный голосовой помощник. Пилот вздохнул. Надо бы поучиться оптимизму у этой электронной девки. Потом, когда найду Ника.

На девятом по счёту «такие не поступали» глупая тревога Вита сдала позиции праведному гневу. Причём непонятно, на кого Вит злился больше – на друга (сейчас каждое дерево вай-фай раздаёт, не судьба маякнуть, что ли?) или на самого себя (чего расквохтался, аки насадка?)

После восемнадцатого «не поступали» Вит прекратил мучить Акулину, отключил гарнитуру и, как сидел, опал навзничь обратно на куцый матрас. Затылок лётчика решил, что посадка всё-таки была жестковата: перед глазами заплясали солнечные зайчики далёкого лета в новгородской деревне, которую давно уже не найти на картах. В нос шибануло терпким запахом козьего молока, которым бабушка по распределению для Вита – родная бабушка Ника – равно угощала обоих пацанов прежде, чем пустить на выпас в бескрайний и непознанный мир.

Слишком разные, чтобы всю жизнь ехать вдвоём на одном велосипеде. Слишком похожие в чём-то неуловимом и важном, чтобы разъехаться на первом же повороте раз и навсегда.

– Он думает о тебе, – сообщила из планшета отключённая Акулина. – А значит, вернётся.

Вит вздрогнул и проснулся снова. Чёрт, вот только слуховых галлюцинаций мне сейчас не хватало. Едва-едва устроился хоть куда-то...

Возвращайся скорее, Ник. Вместе твою клюкву доедим.

Утром пятого дня Катя не пришла, Рыжик лизнул в ладонь, а на завтрак вместо каши и йогурта появился ломоть хлеба с беконом и чашка кофе. Так Ник понял, что сегодня его отпустят на волю. Радоваться бы, но внутри сидела заноза. Накануне Дэн устроил такую тренировку, что будто в космос фотографа готовил. Ник не сделал ни одной осечки, не допустил ни промаха, но в глазах Заневского все равно осталось сомнение.

Ник лениво жевал бутерброд. Кофе был превосходный, будто его на спиртовке варили в турке, но мысли Ника были не об этом. Они уходили в отрыв, цеплялись друг за друга как кучка альпинистов в ста метрах от вершины-разгадки, и было в них что-то про нелюбовь к экзаменам, о взятии на слабо и неверии в собственные силы. Еще страшней было думать о том, что ждет дальше, ведь сначала ты до дрожи в коленках боишься чего-то, а когда оно, наконец, свершается – ты чувствуешь себя идиотом, ведь надо было не бояться, а думать, как с этим жить дальше. Боги, куда ведь проще в тундре, в лесной глуши, посреди прибойных волн, чем в этом многомиллионном складе людских душ. И голову можно дать на отсечение – природу ближнего Подмосковья и смоленщины тебе снимать этими глазами не дадут...

В полированном крае тарелки с крошками мелькнула тень. Ник резко вскинул голову. Прицел. Фокус. Съемка. Посмотреть кадр.

Все случилось в какие-то доли секунды. Просто любопытная чайка с Москвы-реки заглянула в окно белоснежного лазарета. Просто Ник успел ее сфотографировать в режиме «спорт».

Активировать импланты. Нет, обновляться потом, отстань, все.

Отправить фото.

Дэн Кириллович, ну теперь-то экзамен сдан?

Ник скидал вещи в рюкзак, недосчитавшись фонарика и ручки-зажигалки. Море Ясное, наверно, утатило, да и ладно. Выждав еще пару минут, Ник толкнул дверь и вышел из комнаты.

В холле его ждал Дэн и еще более неприличная кипа бумаг, чем в начале истории. Дэн небрежно развалился на белом кожаном диване, принимая форму жидкости и ничуть не смущаясь своего клиента. Небрежный кивок на свободную половину дивана заменил «доброе утро».

– Красивая чайка, – замена для «экзамен сдал».

Пауза. Ник молча рассматривал гору бумаги на журнальном столике. Риторический вопрос «зачем тогда было каждому гражданину регистрировать цифровую подпись?» заменился молчанием. Начиналась новая жизнь, где все отныне будет сложно.

– Ты читал свой контракт на бионические глаза, Ник?

– Нет. Зрение не позволяло.

– Тогда только самое главное, – Дэн потянулся к краю столика так медленно, словно был не уверен в правильности своего решения. Это было ново. – Держи. Там подчеркнуто.

Ник не взял протянутой бумаги. Экзамен или нет, а я все равно теперь увижу и отсюда.

«... Пользователь обязуется, согласно пункту 7.9 ФЗ №189 о Контрактах и Договорах, оставаться сотрудником Заказчика в течении 5 (пяти) лет с момента установки Изделия, выполнять Правила внутреннего распорядка и свои обязанности согласно Должностной инструкции. Досрочное прекращение контракта на данное Изделие возможно только в случае, предусмотренном пунктом 10 данного договора, то есть полной окупаемости затрат Заказчика по приобретению, установке, обновлению и обслуживанию Изделия.»

Пункт 10 содержал в себе астрономическую цифру. Столько весь Ник не стоил, даже если продать остальные органы.

– Техобслуживание и настройка всегда за мной, – тихо добавил Дэн, с трудом заставляя себя смотреть на Ника. – А Катерина поможет психологически... Если надо будет. Просто так.

– Морю Ясному привет, – улыбнулся Ник, пряча за движением губ вой связанного зверя. – С зажигалкой пусть поосторожней.

Глаза Дэна подкатились к потолку, и оба вдруг рассмеялись. Пожалуй, детвора еще могла что-то с этим миром сделать. Хорошее.

– Ты правда заходи еще, Ник, – повторил Заневский почти умоляюще. – Они от меня теперь сказки про полярных летчиков требуют же... Будешь нянькой на полставки, а?

«Только к одному пилоту загляну для начала», – подумал Ник и подмахнул бумаги почти не глядя. Раньше не читал, незачем и начинать. К черту эти диоптрии.

– Что вы умеете помимо полётов, товарищ Обье?

Вит едва не поперхнулся от неожиданности, но ведущий тренинга продолжал настойчиво пялиться пилоту в глаза. О, если бы пялился он один, но нет: кажется, вся остальная команда «Марс. Зеро» тоже ждала ответа. Кое-кто блуждал взглядом по ногам соседей, пытаясь ответить самим себе на тот же сакраментальный вопрос.

Лётчик пожал плечами, но мироздание в лице ведущего не желало отпускать его без ответа. И правда, чему ты успел научиться в этой жизни, Вит? Хватал по верхам случайные знания и навыки, но чаще балду гонял от взлёта до взлёта, поставив все на единственную козырную карту, а запасной аэродром всерьёз не готовил. Ну, так чем полезен может быть ястреб, если ему обрезать крылья?

– Э-э... Ныряю хорошо. Стрелять умею. Яичницу подкидыванием переворачивать.

Ребята прыснули в том смысле, что да, яичницу с подкидыванием умеют не все. Вит тихо выдохнул. Говорят, совместный смех сблизает. А даёт ли он право на уточняющие вопросы?

– В условиях пониженной гравитации за яичницу, правда, не ручаюсь. Мы же сейчас по Марсу говорим или просто за жизнь?

Ведущий поспешно кивнул, признав своё упущение.

– По Марсу, по Марсу. С понятием «дублирование» все знакомы, верно? Первый этап подготовки предполагает перекрёстное обучение навыкам, которые...

«...пригодятся вам на красной планете», – мысленно закончил Вит, не понимая, почему на самом пафосном месте запнулся и замолчал ведущий. Впрочем, в следующий миг новая мысль захватила его без остатка: даже если форсировать эту затею при помощи обучающих флэш-карт, сможет ли, к примеру, медик экспедиции посадить корабль с отказавшим движком так же круто, как лётчик-универсал? И сможет ли лётчик провести операцию на борту этого корабля столь же идеально, как в учебной аудитории под присмотром медика?

– ...которые составят фонд компетенций колонизаторов новой волны, – разродился, наконец, ведущий, и эта фраза была много страшнее в своём многозначительном пафосе, чем выдуманная Витом Обье.

К середине дня «колонизаторы» более или менее сознательно разделились на малые группы. К концу дня разработали стратегию обучения. Более или менее сознательную.

– У меня так последний раз башка трещала год назад, на ролёвке по литературному салону девятнадцатого века, – ткнувшись лбом в приборную панель тренажёра, сообщил 3-D архитектор, щуплый паренёк с гибкими пальцами. – Когда, во-первых, ты своей ролью погружен по самую маковку, а ещё и за других думать надо, чтоб они своими интригами твои планы не поломали...

– Ну, тут хотя бы про интриги можно забыть, – отозвался из кресла пилота связист. – В одной упряжке-то едем. Точнее, летим. Вит, каковы наши шансы не раздолбать корабль при посадке?

Пилот навалился на спинку кресла всем своим тощим весом. Врать ему не хотелось, обнадёживать сверх меры – тоже, а осознавать себя *заменяемым* было вообще невыносимо.

– Для начала нужно правильно поднять его в воздух, парни. Вот над этим и будем работать.

С диоптриями или без – дорога до гнезда-норы все равно заняла больше двух часов. И это еще против шерсти, так сказать, и не по самой длинной хорде первопрестольной. Станции подземки вместе с лицами попутчиков сливались в один сплошной копипаст – менялись лишь цвета светодиодного канта на платформах и прядей в чужих макушках. Ник покачивался в такт вагону и смотрел на свое отражение в полированном пластике дверей. Ни кричащего неона в причёске, ни выбритых висков, ни встроенной гарнитуры на верхней челюсти. Вырос за МКАДом, а все, что за институтское время успел нарастить в понты – растерял на севере и Камчатке. Вот и плывет сейчас в пластиковой белизне мышь серая, полевая, с выгоревшими золотыми волосами и глазами синими, дикими, в черном скучном пальто и джинсах... Деревенщина, что тут скажешь. Провинция. Как, бывало, подмахнут на первом курсе, что импланты по социальной квоте ставил, так и хотелось по морде дать. Бывало, что и получали.

Конец флешбекам положил сам метрополитен, еще немного пожевавший парня толпой на эскалаторе и выплюнувший в ранние февральские сумерки. Пара шагов от пещеры до неба... Через пять минут трезвон входящих вошел в резонанс с нестерпимо ярким светом лифта общежития – импланты обновили все, что можно (и нельзя) и подгрузили соцсети. Больше пяти десятков непрочитанных сообщений от Вита Обье ударили по нервам. Нет-нет, это все ментальный перегруз или как там Дэн предупреждал, метро, много людей, лучше бы на такси... И вовсе я не боюсь сейчас получить от Вита по первое число, совсем не боюсь. Боги, кого я обманываю.

Наконец, и тридцатый этаж. Скрипнули половицы коридора, пискнул дверной замок, распознав пальцы фотографа. Общага жила своей жизнью – гремела музыка, кто-то зубрил наизусть, спотыкаясь через фразу, гудели роботы-уборщики. Но, слава звукоизоляции, все это оставалось там, за бортом норы.

Ник прикрыл за собой дверь и втянул носом воздух. Какая ты к чертям птица, Стрижов, если всю жизнь аки зверь? Знакомый одеколон. Резкий, а, значит, совсем недавний, кофе. И какая-то странная смесь из запаха белья, порошка и мыла. Дом.

– Вит? – шёпотом спросил тишину фотограф.

От двери было видно только края спальных капсул, да и те едва освещались тусклым прямоугольником окна. Ну не врубать же всю иллюминацию, в самом деле. Но что-то там серебрится. Определенно. Совершенно точно.

Притянутый как железная стружка – магнитом, как сталкер – хабаром, Ник сделал пару шагов и замер.

Пилот первого класса Вит Обье беспробудно спал. Спал не в своей капсуле, не на своем матрасе и подгребя под бок не свой плед. Но больше всего добило Ника другое. Вит спал прямо в форме, которая совершенно сбивала с толку и рождала в башке примерно такой обмен репликами: «А это точно он? – А кто еще это мог бы быть?» Черный, чернее темноты в углах комнаты, материал формы ухитрился сохранять парадную непомятость и, словно скафандр, хранил в себе тощее тело пилота. Серебряный кант струился по погонам и обшлагам, сплота-

ясь в тусклые крылья над сердцем. «Хороший прицел для снайпера», – вдруг подумал Ник, стараясь уйти от реальности.

Он впервые видел друга *таким*. И вот *так*, с сотней процентов фотографической точности. Как там Дэн сказал – любимых разлюбите, родных не узнаете? Неужели дело только в зрении?.. «Челку, челку обрезали!» – мысленно завопил Ник-летние-каникулы-на-Волхове, без дополнительных диоптрий помнивший это черное крыло почти по плечо. Еще бы, подкрасться, пока Ястреб дрыхнет, и косички ему заплести, – за милую душу, только потом фиг убежишь от расплаты. Сейчас же эта челка едва дотянула бы до уха. Печаль. Даже не поплетешь особо ничего...

А взгляд Ника уже скользил дальше по комнате, непривычно цепляясь за элементы уюта, то есть бардака. Ну ладно, свое барахло фотографическое я потом на антресоль закину. Носки опять же, но это, видимо, основа мироздания. Крошки на столе, который суть спальная капсула, чайные круги, серая домашняя пыль на кружке... Не, с таким зрением будет как в том анекдоте, что начав с одной крошки, можно нечаянно сделать генеральную уборку. Ну хоть стол прибрать, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.